

С.Н. Хомченко *

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1813 ГОДУ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОЕННОПЛЕННОГО БАВАРСКОГО КАПРАЛА БЮТТНЕРА

Бюттнер (Büttner) – капрал баварского 5-го шеволежерского полка Ляйнингена. В составе Баварской дивизии легкой кавалерии в 4-м армейском корпусе участвовал в Русской кампании. В августе 1812 г. захвачен в плен казаками. Отправлен на жительство в Пермь, где жил, приблизительно с февраля по сентябрь 1813 г. Приводим отрывок воспоминаний Бюттнера о его пребывании в Пермской губернии. Перевод с немецкого языка и комментарии С. Н. Хомченко.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; военнопленные; воспоминания; Пермская губерния.

Сведения об авторе: Хомченко Сергей Назарович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник; 143240, Россия, Московская обл., Можайский р-н, с. Бородино; e-mail: sergey_1812@mail.ru

Sergey N. Khomchenko

PERM PROVINCE IN 1813 IN MEMOIRS OF THE PRISONER OF WAR BAVARIAN CORPORAL BUTTNER

Büttner is the Corporal of the Bavarian 5th light-horse regiment Leiningen. As part of the Bavarian light cavalry division in the 4th Army Corps, he participated in the Russian campaign. In August 1812 was captured by Cossacks. He was sent to residence in Perm, where he spent time from about February to September 1813. We give a fragment of memories of Büttner of his stay in the Perm province. Translation from German and comments on S.N. Homchenko.

Keywords: Patriotic War of 1812; prisoners of war; memoirs; Perm province.

About the author: Sergey N. Khomchenko, Candidate of History, Chief Researcher, Museum-Reserve “Borodino field”, vil. Borodino, Russia

**Описание судьбы и страданий бывшего капрала Бюттнера
... во время его 19-месячного плена в России в 1812 и 1813 годах
[Büttner, 1828].**

«Холод стал чрезвычайно сильным, давно русская зима не была такой суровой и продолжительной. Все наши бедствия достигли

наивысшей степени. Мои страдания множились, так что я с нетерпением и надеждой ожидал избавления от всякого зла – смерти. Однажды на ночлеге я сильно заболел; я лежал на печи, и когда почувствовал боли, встал и захотел выйти за дверь на свежий воздух. Но едва я достиг последней, как осел без сознания. Когда меня нашел крестьянин и сообщил моим товарищам, то те занесли меня в комнату; они, посчитав, что я мертв, также пожелали себе такого быстрого конца и расположились вокруг меня на полу, посыпанном небольшим количеством соломы. Но сознание вскоре вернулось ко мне, и тогда я попросил воды. Они были полны радости и смущения из-за моего быстрого пробуждения, и принесли мне свежей воды. Как только я наслаждался ею, я почувствовал себя настолько окрепшим, что мог свободно встать и ходить, и вскоре после этого даже смог выступить в путь до Перми, частично пешком.

Наконец мы достигли города Перми¹. Здесь нас заперли в старом здании, похожем на тюрьму, и тут нам было уготовано величайшее зло. На полу было рассыпано немного соломы, и мы должны были лечь вместе, человек к человеку, больные и здоровые. Едва мы пробыли здесь запертыми несколько дней, как самые здоровые также заболели, и к нашему величайшему изумлению и ужасу количество паразитов так выросло, что все беспорядочно вскрикивали. Конечно, это было жалкое зрелище! Ибо не только одежда, но и все остальное кишело этими насекомыми, и несколько больных, чьи конечности были сильно обморожены, должны были смириться с этим, так как они были не в состоянии защищаться от них, а нам, к сожалению, было достаточно своих. Такой жребий выпал также одному из моих товарищей по имени Хетцель, у которого за два дня до этого обе обмороженные ноги были отняты; но мы помогали, насколько можно было помочь в этой беде.

Прошло несколько дней после кончины наших добрых товарищей, я и еще двое моих оставшихся баварцев сидели на земле и единодушно ожидали приближающегося часа избавления, когда появился доктор Райх², который наблюдал за нами, и обратился к нам следующим образом: “Вы, баварцы, сами виноваты в своих несчастьях, потому что немедленно не поступили на службу. Но тебя, сказал он одному из нас по имени Линц (который просто был самым печальным среди нас), я

¹ Точной даты прибытия этой партии военнопленных в Пермь не известно. Однако, если учесть, что, согласно рапорту Пермского гражданского губернатора 15 февраля 1813 г., в губернии из пленных солдат были только французы, поляки и пруссаки [РГИА 2], данная партия, включавшая баварцев, прибыла после этой даты.

² Этот доктор Райх был ганноверцем и в 1808 г., когда Ганновер был объединен с Вестфальским королевством, чтобы уклониться от воинской повинности, покинул отечество и как простой ученик цирюльника отправился в Россию. Позже он был переведен в Пермь. Здесь он стал выдавать фальшивые аттестаты тем, кто хотел уклониться от военного призыва, и к концу 1813 г. приобрел состояние в размере минимум 60.000 бумажных рублей (Примеч. Бюттнера).

еще хочу спасти и снова сделаю тебя здоровым, но за это, когда восстановишься, ты, пожалуй, не откажешься поступить на русскую службу”.

Как будто молния со страшными ударами грома разрушила стены нашего здания – так эти слова прозвучали в каждом из наших сердец. Но какое удивление сразу охватило всех присутствующих пленных, когда этот воин, уже близкий к смерти, в свой последний час не потерял мужества и любви к отечеству, а пристально посмотрел на доктора, затем отвернулся от него и ответил так: “Если вы хотите меня вылечить только для того, чтобы проситься на русскую службу, что я мог сделать уже давно, то оставьте меня в покое, я хочу спокойно умереть за мое отечество, как баварец”.

Доктор был настолько расстроен этим поведением и неудачей своего предложения, что удалился из комнаты, как безумный.

Бог принял благородного и доброго Линца, когда по прошествии примерно часа тот мягко и тихо почил к сердечному сожалению пленных всех наций.

Теперь я и мой товарищ, также больные и лишенные одежды, были оставлены нашими братьями, с которыми мы до сих пор общались. «Но не все же мы должны умереть”. Прошло всего несколько дней, когда доктор Райх заболел, и однажды мы увидели государственного заключенного, француза, который был доктором и звался Сальватори¹, попросившего у начальства разрешения заменить упомянутого доктора Райха, и этот благородный человек приложил все усилия, чтобы привести нас в лучшее состояние; он не только покупал за собственные средства необходимые лекарства, но и одарил каждого пленного двумя рубашками и подштаниками. Этот человеколюбец спас многих больных, которые с его помощью перебороли смерть, и я со своей стороны, пока дышу, не забуду его. Он вылечил меня и моих товарищей, и очень скоро дал понять, что мы получим квартиры в городе.

Когда через несколько дней после моего выздоровления я оказался в городе, прежде всего я поспешил как-то избавиться от вредных насекомых, однако новая опухоль охватила все тело, и при этом я так ослаб, что почти не мог сделать и шага. К сожалению, это зло возрастало день ото дня, и в этих обстоятельствах я ожидал самых печальных последствий. Я искал человеколюбивого господина доктора Сальватори, но из-за незнания русского языка не смог найти его в большом городе. Но к моему счастью, когда в своем жалостливом состоянии я блуждал по улицам, я встретил вюртембергского и французского пленников офицеров, которые также вместе жили в одной квартире. Ко-

¹ Этот врач Сальватори после нашего возвращения из России, по представлению господина майора фон Бибера, за благородные услуги баварским пленным в Перми получил от Его Величества короля Макса в знак его высочайшего удовлетворения большую золотую медаль (Примеч. Бютнера).

гда последний заметил меня в моем больном состоянии, он сказал мне, что он сын доктора и хотел бы обследовать меня.

Я, не колеблясь, принял это предложение и разбинтовал мои ноги, которые настолько опухли, что почти вдвое превосходили их обычную толщину. Пальцем он нажал на опухоль, и образовалась впадина, которая долго не исчезала и, наконец, стала сине-желтой, после чего он объявил мне, что средств от этой болезни немного, так как кровь большей частью разжижается водой, и поры забиваются. Он ножом вскрыл мне ногу, чего я почти совсем не почувствовал; из этого отверстия вытекло лишь немного воды. Он дал мне совет использовать последнее средство и идти в русскую баню¹; я должен был воспользоваться ею очень горячей, а затем ледяной водой полить все тело и так тщательно отмыть кожу. Он сказал, что вследствие этого поры откроются, нечистоты удалятся из организма, а с ними уйдет моя болезнь; иначе мне придет конец.

Каким бы опасным ни казалось это лечение, но все же я радостно поспешил навстречу ему, так как надеялся получить облегчение и помощь, или же принять смерть.

Когда я подошел к бане, то как раз встретил моего хозяина, который так же собирался в баню, он тотчас закричал, чтобы я быстрее заходил; но едва я вошел в эту баню, у меня перехватило дыхание. Когда мой хозяин увидел меня в этом состоянии, он немедленно облил меня ледяной водой, взял березовый веник, на котором еще висели листья, и начал им избивать меня, отчего я сразу начал потеть, и скоро почувствовал себя намного лучше. После того как это средство оказало мне такую существенную услугу, я часто повторял его и скоро стал по-настоящему здоровым.

Когда через четырнадцать дней силы позволили мне ходить, я счел своим долгом поблагодарить моего советчика за мое спасение. Поэтому я пошел в его квартиру, где, однако, встретил только вюртембергского г-на офицера, который сказал мне, что его товарищ и мой благодетель уже 6 дней как сменил временное на вечное. Я так и застыл, и внутреннее чувство боли наполнило мои глаза слезами грусти.

Мое здоровье улучшалось с каждым днем, аппетит становился все больше, но, к сожалению, есть было почти нечего. В моей квартире часто находилось несколько татар, ведущих торговые дела, каждый из которых приводил своих 4, 5, 6 и более детей; они были большей частью сострадательными и часто давали мне кусок конины, которую я сначала поглощал с величайшим аппетитом, но позже она так встала мне поперек горла, что я уже ж не мог ее есть.

¹ Каждый русский крестьянин владеет баней, где он один или два раза в неделю моется со всей своей семьей (Примеч. Бюттнера).

Наше денежное довольствие состояло из 5 коп.¹ в день, кроме тех дней, когда мы не получали ни хлеба, ни других продуктов². Можно легко увидеть, особенно если учесть, что мы получали наши деньги только раз в месяц, что наше положение часто было отчаянным, и поэтому нам приходилось думать о поисках других способов владеть далее нашу ничтожную жизнь.

Мой часто упоминаемый товарищ Кауфманн, голландский гусар, и я как-то стояли на рынке, где продавали хлеб, всевозможные продукты и т. п., и так как мы совсем издержали деньги, и наш голод достиг наивысшего пика, нашим первым делом было так или иначе удовлетворить его. Мы не могли придумать никакого другого средства, кроме как отыскать сострадательных людей и умолять их о снисходительном пожертвовании. Но, мой Бог! Во враждебной стране и среди такого грубого сословия казалось почти невозможным найти хотя бы одного сострадательного человека. Нам было сложно прибегнуть к этому средству, и никто не хотел первым повести себя как нищий, и поэтому мы позволили решать жребию, который, к сожалению, указал на меня. Ведомый надеждой и страхом, по нескольким улицам, я, наконец, подошел к большому зданию; если бы я не осмелился войти в него, голод бы только усилился; только это почти невольно и вело меня. Когда я подошел к воротам, собака необычайной величины тут же бросилась навстречу, грозным лаем заставив меня немедленно остановиться. В это время я увидел старую женщину, которая спешила ко мне, спрашивая меня на русском языке: чего я хочу? Я немного мог объяснить ей, так как она не понимала мой язык, и с помощью понятных жестов руками показал, что я раненый пленный и умоляю о сочувствии.

Она дала понять, что я должен подождать и вернулась назад в дом.

С тревогой я стоял, чтобы узнать, что будет дальше, пока наконец ко мне не подошла одетая в черное очень красивая дама, которая, как я позже узнал, была купленной невольницей (грузинкой). Выражение её лица сразу говорило, что она приняла участие в моей судьбе, и после того, как я показал ей свои раны, она велела мне подняться по

¹ Медный рубль – 100 копеек или 10 пятаков (Pidak), равняется 28 ½ крейцерам. Следовательно, 5 копеек – чуть менее 5 пфеннигов. И это дневное денежное довольствие! (Примеч. Бюттнера). Небольшая ошибка: 100 копеек равны 20 пятакам. Талер состоял из 120 крейцеров, а крейцер – из 4 пфеннигов. Баварский серебряный талер равнялся 116,7 серебряным копейкам, таким образом остальные расчеты в целом близки к действительным.

² По циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова от 29 августа 1812 г., военнопленным солдатам ежедневно полагалось 5 коп. и провиант, равный таковому для русских солдат, либо его денежный эквивалент. Порционные деньги требовалось выдавать на 7 дней вперед [РГИА 1]. Большинство мемуаристов, находившихся в это время в плену, писали, что порционных денег им вполне хватало, особо отмечая дешевизну продуктов в русской провинции. Вероятно, последующие жалобы Бюттнера на нужду можно объяснить высокими, по сравнению с другими регионами, ценами в Пермской губернии.

лестнице и дала мне кусок пирога, две рыбы и кусок поджаренного мяса вместе со стаканом водки. Я не мог высказать слов радости, и только слезы должны были показать, как я благодарен. Когда чувствительная дама увидела их, она вновь побежала назад и преподнесла мне также в подарок полрубля, дав понять, чтобы я появлялся у нее чаще.

Как на крыльях я поспешил к моим товарищам, которые уже с нетерпением ждали меня; а когда я пришел туда и показал им свою еду, они начали плакать от радости.

Мы немедленно уселись в снег, чтобы хоть как-то утолить наш голод и насладились врученным мне пожертвованием. Таких выходов во время нашего пребывания в Перми мы совершили несколько; мы часто были вынуждены из-за голода пользоваться таким способом. Но, к сожалению, вместо сострадательных людей, мы в основном наталкивались на грубых, негодных людей, которые получали удовольствие от возможности дать нам несколько крепких ударов вместо куска хлеба. Дабы избежать встреч с представителями грубого сословия и больше не умолять о помощи, мы пытались найти какой-либо иной разрешенный способ обеспечить себя едой.

В это время рекрутский набор был настолько большим, что собранные вместе в Пермской губернии, попарно скованные за ноги и сопровождаемые ужасным воем и мольбами их родственников, около 1200 человек рекрут должны были в церкви клясться на Евангелии в почти вечной служебной верности. После того как этот акт был закончен, им наголо обрили головы, чтобы, если кто-то убежит, его повсюду узнали бы как дезертира. Упомянутый голландский гусар был по профессии портным и поскольку, как было сказано, набор должен был пройти весьма энергично, и всех рекрут нужно было быстро одеть, он попросил у г-на городского коменданта разрешения помочь в этом. Просьба была удовлетворена, и он также научил меня этому делу, в котором, несмотря на мою поврежденную правую руку, я вскоре приобрел большую ловкость и, хотя только левой рукой, мог выполнять много полезных услуг.

Это ремесло давало нам достаточно средств к существованию, но, к сожалению, подобное пособие скоро иссякло, так как казалось почти predetermined, что шар судьбы всегда будет ужасно играть со мной. Едва я насладился этим благом в течение несколько недель, как получил воспаление глаз, что привело меня к слепоте.

Теперь крайняя необходимость заставила меня обратиться за помощью к уже упомянутому доктору Райху, и я настоятельно умолял его о помощи. Однако вместо того, чтобы получить ее, я получил следующую ответ: «С вас, баварцев, не убудет, даже если вы все подохнете, вы, мошенники!».

На это я возразил, что я никакой не мошенник, а лишь бедный пленный. Он распахнул дверь и вытолкнул меня.

После этого инцидента я ушел прочь, не зная, что теперь делать дальше. Но вскоре на улице встреченный мною русский крестьянин, увидев мои перевязанные глаза, проявил сочувствие и направил меня к главному врачу города по имени Краль.

Когда я прибыл к нему, к моему величайшему удовольствию обнаружил, что тот был усердным честным немцем, и я рассказал ему о своей судьбе и печальных обстоятельствах. Он пожалел меня, дал мне лекарство и рекомендации, что я должен дальше делать со своими глазами; сверх того дал мне еще полрубля и велел вернуться к нему через 8 дней. Глазам ежедневно становилось лучше, и когда через 8 дней я вновь отправился к нему, мои глаза выглядели уже здоровыми. Он был рад этому, снова дал мне полрубля со словами, чтобы я, пока нахожусь здесь, каждые 8 дней появлялся у него, и что даже если его не будет дома, обо мне позаботятся.

Я высказал ему свою глубочайшую благодарность за заботу, которую он мне оказал, и снова вернулся к своему прежнему ремеслу.

Часто, когда радостная надежда открывается человеку, она так же внезапно снова исчезает и «прихрамывающая» появляется предвестник несчастья: так произошло со мной. Едва я исцелился от своей глазной болезни, как меня охватила лихорадка. Закаленный ударами судьбы, я также надеялся перенести ее, но при таком расшатанном здоровье, когда болезнь становилась опаснее день ото дня, это оказалось для меня почти невозможным.

Но так же часто, когда всякие утешения исчерпаны, Бог снова посылает луч надежды в наши сердца.

Однажды, когда я печально посматривал из своей квартиры на улицу, и ни спасителя, ни следа спасения не было видно, ко мне вошел один человек и обратился ко мне по-немецки. Едва он услышал, что я тоже немец, он обрадовался и сказал мне, что он урожденный саксонец из города Дрездена и его зовут Андреас Юлиус; он был садовником в городе Ревеле в Лифляндии, а в настоящее время уже 6 лет живет здесь как невольник со своей женой. Мы беседовали некоторое время, а потом он предложил мне следовать за ним в его жилище. Я охотно принял это приглашение и, проведя с ним некоторое время, полностью справился с лихорадкой; как садовник, он обладал познаниями в травоведении. После того, как я близко познакомился с ним и его женой, он решил держать меня при себе, поучал меня в своем садоводстве, в чем я скоро приобрел много знаний. В этом саду была прекрасная оранжерея, содержащая несколько чужестранных растений; таких деревьев в этом саду нельзя было и представить, так как Пермь, как известно, один из самых северных городов России, где кроме березы даже нет других лиственных пород, а произрастание фруктовых деревьев, в частности, невозможно из-за холодного климата. Я, по крайней

мере, нигде таких не встречал, и только возвращаясь в Баварию снова увидел их на правом берегу Волги.

Что касается Перми, я должен отметить, что это весьма значительный город на реке Каме, ширину которой можно указать в 1000 шагов; тут находится правительство. Есть здесь и крупные торговцы. Среди местных немцев и русских есть некоторые, кого можно отнести к самому образованному классу людей; они доказали нам, пленным, что у них добрые и сострадательные сердца. Особенно отличались этим те, чьи имена я здесь привожу: гражданский губернатор г-н фон Хермес¹, комендант города г-н ф. Краль² и его отец доктор г-н ф. Краль (он был очень образованным, честным саксонцем). Губернский советник г-н фон Берг³; этот господин фон Берг владел тем самым домом, где нескольких лет назад провел долгое время знаменитый г-н фон Коцебу и среди прочего написал также свое интересное творение «Достопамятный год моей жизни»⁴.

В том саду есть береза, которую я часто видел и которую мать г-на ф. Берга также часто показывала г-ну майору ф. Биберу, в чьей тени г-н ф. Коцебу в основном работал. Здесь также находился знаменитый русский министр г-н фон Сперанский⁵, особый фаворит императора Александра, которого здесь называли государственным заключенным; он проявил много милосердия к бедным пленным, как и упомянутый доктор Сальватори.

¹ Гермес Богдан Андреевич (1760-1839), из прусских дворян, окончил Артиллерийский и инженерный кадетский корпус, участвовал в Крымском походе 1782 г., Русско-турецкой войне 1787-1792 гг. и Русско-шведской войне 1788-1790 гг., награжден золотым оружием «За храбрость», дослужился до чина генерал-майора. С 1800 г. на гражданской службе, награжден орденами Св. Георгия 4-го кл. и Св. Анны 1-й ст. С 1811 г. тайный советник, в 1806-1817 гг. – Пермский гражданский губернатор.

² Вероятно, Грен Николай Федорович, майор, награжден орденом Св. Анны 4-й ст. С 1812 г. – городничий Перми.

³ Берх Василий Николаевич (1781-1834), окончил Морской кадетский корпус, служил на Балтийском флоте. Участвовал в русско-английской экспедиции в Голландию (1799) и первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна-Лисянского на корабле «Нева» (1803-1806). В 1810-1821 гг. на гражданской службе в Перми, титулярный советник, советник Пермской казенной палаты. Автор нескольких трудов по истории русского флота, морских географических открытий и древностей Пермской губернии.

⁴ Коцебу Август фон (1761-1819), немецкий драматург и романист, пользовавшийся большой популярностью в Германии. С 1781 г. часто жил и работал в России. В апреле 1800 г. по повелению императора Павла по подозрению в «якобинстве» арестован и сослан в г. Курган Тобольской губернии. Через три месяца помилован и возвращен в Санкт-Петербург. Об этом периоде написал автобиографическую книгу «Достопамятный год моей жизни». Однако в Перми Коцебу делал лишь краткие остановки по пути в Курган и обратно, оба раза, согласно книге, останавливаясь в доме часовых дел мастера Розенберга.

⁵ Сперанский Михаил Михайлович (1772-1839), государственный деятель, чиновник Министерства внутренних дел, товарищ министра юстиции, автор плана государственных преобразований, с 1810 – государственный секретарь Госсювета. В марте 1812 г. в результате придворных интриг отправлен императором Александром I в отставку и сослан в Нижний Новгород, позже – в Пермь, где находился до сентября 1814 г.

Здесь находился также один еврей, который был очень честным человеком. Этот еврей был откупщиком крупного винокуренного завода и имел в Пермской губернии значительные вложения. Этот добрый еврей особенно отличился в оказании благодеяний пленным всех наций. Он поддерживал нас всеми вещами, в которых мы часто нуждались. Добрый человек незадолго до нашего отъезда из Перми попал в объятия смерти и еще незадолго до своего конца посещал г-на майора фон Бибера. Немецкий мастер портной по имени Крузе, который также находился здесь, оказал нам очень много благодеяний. Ранее он на общественном рынке купил за 25 бумажных рублей русскую бабу, а потом женился на ней.

Особенно печально здесь было 12 князьям из Грузии, которым приходилось нищенски жить на 10 пятаков в день, они были почти съедены паразитами.

Они были высланы в Пермь по причине того, что в провинции Грузия, которая находилась под русской властью, произошло восстание, после чего 12 их первых князей и дворян были взяты и приведены сюда¹. Они содержались хуже, чем военнопленные, так как находились под караулом и не могли выходить за пределы маленького района места заключения.

Остальные жители города, как уже говорилось, были большей частью рабами и простонародьем, их можно считать самыми грубыми русскими, поэтому легко представить их поведение по отношению к нам. Вообще, пребывание в Перми для человека, у которого есть чувства, невыносимо; почти ежедневно можно видеть целые толпы прибывающих рабов, часто связанных по шесть-восемь человек, и вместо того, чтобы пожалеть этих несчастных людей, с ними обращаются грубо и жестоко. Вот еще несколько маленьких примеров в подтверждение моих слов о грубости этого народа.

Однажды днем я стоял на улице, когда совсем молодая девушка с двумя красивыми платками, один на шее, другой на голове, прошла мимо меня. Ей повстречались три русских солдата, один из которых, увидев платки, быстро побежал за ней, толкнул ее на землю и, несмотря на все сопротивление, крики и плач, сорвал оба платка и очень быстро убежал со своей добычей, и все это в присутствии нескольких русских, которые получили удовольствие от этого зрелища. Несмотря на то, что затем девушка, сложив руки, взывала к Богу о помощи, я не

¹ В 1800 г. грузинский царь Георгий XII обратился к императору Павлу I с просьбой о принятии Грузии в состав Российской империи. Просьба была удовлетворена в 1801 г., однако не все представители многочисленной царской семьи были согласны с этим. Чтобы избежать уже имевших место беспорядков, в 1803-1805 гг. многие грузинские царевичи были высланы в Санкт-Петербург, где получали назначенную императором пенсию. Возможно, здесь речь идет о менее высокопоставленных грузинских «князьях и дворянах», высланных в Пермь в виде наказания.

увидел ни одного русского, кто пожалел бы ее, прохожие скорее с величайшим удовольствием обсуждали только что произошедшее.

В другой день, когда я подходил к своей квартире, мне повстречался пьяный казак, который, увидев меня, плюнул мне в лицо и ударил меня, сопровождая это наихудшими ругательствами. Хотя я был совершенно один среди многих русских, я в ярости не смог этого стерпеть и ударил его левой рукой по лицу так, что он сразу упал на землю. После этого я немедленно снял с него казачью шапку и вместе с ней под великое ликование окружающих побежал к коменданту города и там сделал свое заявление.

Комендант, как ранее упоминалось, душевный человек, сказал мне, чтобы я оставил эту шапку здесь, а если казак придет ко мне и потребует ее, я должен привести его сюда. Когда на следующее утро казак пришел ко мне, я сразу сказал ему, что его шапка не у меня, а я передал ее коменданту города. Он плача умолял меня пойти с ним, в чем я не отказал и даже сам попросил коменданта скорее вернуть ее. Но какой страх поразил меня, когда комендант вышел из комнаты, вызвал двух русских караульных солдат и тотчас приказал дать этому казаку 100 палочных ударов. Я посчитал, что когда экзекуция окончится, казак заставит меня заплатить за нее не меньше. Но все оказалось наоборот. Едва он понес свое наказание, он коленопреклоненно поблагодарил коменданта за его милость, затем поцеловал мне руку и в присутствии коменданта попросил меня о прощении, и мы пошли дальше.

Когда русская зима из-за ужасного климата наступила уже в сентябре, а течение Камы замерзло уже в начале октября, в воскресенье вечером мы стояли на рыночной площади и едва ли могли предположить, что этот ледяной покров уже может выдержать человека. Мы увидели не только людей, но и то, как по нему едут несколько саней и экипажей с лошадьми, и я, как и несколько моих достойных господ офицеров, стали очевидцами ужасного инцидента.

Простые сани, нагруженные несколькими людьми, переправлялись через реку, но едва они достигли глубокого места, как лед проломился, сани вместе с людьми и лошадьми были погребены подо льдом и должны были утонуть. Однако русские, вместо того, чтобы спешить на выручку своим несчастным собратьям, ликовали и, кроме того, радостными жестами указывали на место, где произошло это несчастье.

Нам пришлось наблюдать несколько таких инцидентов, и каждое сердце должно было возмущаться бездушием этих людей при виде беды их собратьев.

Но вернемся снова к садовнику. Этот сад принадлежал нескольким русским господам, после чего арендатором стал этот садовник.

Этими и подобными садовыми работами я теперь был очень доволен, так как садовник также давал мне пищу, которой я наслаждался.

Но так как все хорошее, происходящее со мной, имеет свой конец, мне не пришлось долго пользоваться этими благами, так что у меня было всего три недели счастья, а затем меня захватило новое бедствие, когда садовник проявил следы безумия, и эта болезнь, с каждым днем усиливаясь, настолько быстро развилась за короткое время, что его пришлось запереть. В этой ситуации мне пришлось сторожить его пять месяцев.

Таким образом я, живя среди упомянутого простонародья, должен был стать ещё и опекуном больного, или, скорее, сумасшедшего человека. Я перенес бы это стойко, если бы только в то время надежда вновь увидеть мое отечество не совсем угасла во мне из-за дальнего расстояния и моего разрушенного здоровья, что делало мое положение с каждым днем все более тягостным. Новые заботы и захватившие меня тяжелые мысли завели меня в итоге так далеко, что я почти уже хотел оставить всякую надежду.

Но столь же часто, когда во время самого впечатляющего шторма солнце внезапно посылает свои радостные лучи сквозь темные облака, так и тогда вдруг открылся горизонт, и солнце радости ярко поднялось над моей головой.

12 сентября 1813 г., когда утром я хотел помолиться в своем саду, я увидел, как ко мне спешит пленный француз, который кричал, чтобы я немедленно пошёл с ним, и что только что прибыл пленный майор, который, когда тот назвал ему мое имя, дал полрубля и приказал немедленно привести меня, ибо он меня знает.

Радость, которую я при этом испытал, едва ли можно высказать, и я почти засомневался, слышу ли я голос человека или ангела.

Моя одежда, которая у меня была и которую я носил, состояла из старого, сильно изгрызенного насекомыми тулупа, рубашки и штанов из некрашеного грубого холста, которые я приобрел благодаря моей профессии портного; вокруг ног я обмотал старые лохмотья, а обувь была сплетена из лыка¹, и в таком виде я радостно и как можно скорее поспешил с ним к названному господину майору, и когда я прибыл к нему, мне были заданы следующие вопросы, а именно: 1. Являюсь ли я баварцем? и 2. В каком полку я служил?

Я почтительно ответил, что я действительно баварец и служил в 5-м шеволежерском полку, а мое имя Бюттнер. Далее меня спросили: я капрал Бюттнер? Когда я ответил «да», господин майор сердечно пожалел, что я выгляжу столь плохо, тем более, что я обратил его внимание на своё состояние раненного калеки, и добавил, что уже 9-й месяц нахожусь здесь в городе в величайшем бедствии и 5 месяцев вынужден караулить сумасшедшего.

¹ Таковую плетеную из лыка обувь крестьяне носят летом и зимой (Примеч. Бюттнера).

Во время всего разговора я, несмотря на все свои попытки, не мог вспомнить, кто этот господин майор и, не сумев более сдерживать свое любопытство, спросил, с кем я имею честь говорить. А затем я услышал слова: Я – майор Бибер!¹

Подобно гласу ангела эти слова проникли в меня до мозга костей, и я прямо остолбенел, с удивлением рассматривая господина майора, который перенес с нами столь много опасностей войны, что я едва мог поверить, будто человек, который был в столь плохом состоянии, был тем самым, за кого сейчас себя выдает.

Затем господин майор велел мне присесть. Мы еще много рассказали друг другу о наших пережитых страданиях, особенно я не мог не рассказать господину майору, что русский доктор по имени Райх, бывший урожденным немцем, в высшей степени плохо и возмутительно поступал с нами; и напротив, другой доктор по имени Сальватори, так же бывший здесь государственным заключенным, поддержал нас самым человеколюбивым образом. Затем господин майор захотел отдохнуть с поездки и отдал мне приказ завтра снова явиться к нему, чтобы я сопровождал его к человеколюбивому господину доктору, где он мог бы доказать свою благодарность за его отношение к баварцам.

Дальше я восхвалил чувствительное единомыслие господина губернатора и господина коменданта города, так как они оба с наступлением весны отдали приказ собрать наших товарищей, которые умерли в большом холоде в казарме и были брошены зрителями в снег, и похоронить их на русском кладбище. Похороны прошли трогательно, сопровождаемые священной церемонией и в присутствии всех пленных.

Господин майор был очень рад, что меня так хорошо знали в Перми, и сказал мне, что до его отъезда я определенно могу рассчитывать на поддержку. Только в тот момент у него самого не было денег, но он ожидал следующего из Петербурга векселя и, как только тот придет, он поддержит меня в меру своих возможностей. Еще он сказал мне, что также прибыли три господина лейтенанта – Аккерманн², Шницлайн³ и Сири⁴, к которым я немедленно отправился; я также встретил их и все мы порадовались нашей встрече. Благодаря этим радостным событиям, разговорам и оказанной поддержке во мне вновь ожила надежда попасть в мое отечество. Господин майор получил упомянутый вексель и сразу купил мне рейтузы, пару сапог, а также русскую материю для куртки. Все это было для меня первоочередной потребностью.

Также господин майор фон Бибер узнал у губернатора фон Хермеса, что по всей губернии все пленные без различия нации полу-

¹ Фридрих фон Бибер (Bieber), майор баварского 4-го шеволежерского полка, мемуарист. 28 ноября 1812 г. ранен на р. Березине, в начале декабря под Вильной сдался в плен.

² Йозеф Аккерманн (Ackermann), лейтенант баварского 8-го линейного полка.

³ Юлиус Шницлайн (Schnizlein), лейтенант баварского 5-го линейного полка.

⁴ Эберхардт фон Сири (Siry), лейтенант баварского 11-го линейного полка.

чат длинные тулупы, короткие сапоги и штаны, вследствие чего все они будут одеты на зиму. Губернатор распорядился об общем распределении пленных офицеров и солдат по различным небольшим городам своей губернии, в первую очередь из-за недоверия, так как он подозревал, что могут произойти какие-то эксцессы. Только по настоятельному увещанию господина майора ф. Бибера, который вызвался нести ответственность за поведение офицеров и солдат, этого не произошло, и ни одного эксцесса не было.

Тем не менее, если сейчас можно было не беспокоиться о насущных потребностях, то нам еще многое пришлось пережить, будучи в гуще такого грубого сословия.

Но внезапно я был вознагражден за все перенесенное счастливейшим событием: однажды днем, когда я проходил по улице мимо дома, где жил управляющий императорского русского винокурного завода, кто-то по-русски позвал меня, и я сразу увидел, что это дочь упомянутого управляющего, которая, когда я подошел, сказала мне, что Бавария с Россией стали союзниками¹, и что очень скоро мы сможем вернуться в наше отечество, после чего велела мне войти в их горницу. Я немедленно сделал это, и, войдя, увидел ее отца, который, как только узнал меня, подтвердил радостную новость. Он подал мне стакан водки, пожелал счастья в моем скором пути, и мы расстались.

Воодушевленный самыми радостными надеждами, я в неописуемом веселье поспешно удалился, так что мой господин майор, когда я прибыл к нему, увидел меня в замешательстве и спросил, что со мной произошло? Я рассказал ему, но он поставил это под сомнение, однако сразу отправился к господину коменданту города и обнаружил, что эта новость действительно верна.

Не обращая внимания на долгое трудное путешествие, я в своих фантазиях уже представлял себя дома, но время, которое мы здесь еще должны были провести, было для меня, как и для моих господ офицеров, в высшей степени неприятным, так как прошло 10 дней, а мы не получали новостей, причем моя радость ежедневно убавлялась и превращалась в новые заботы. Однажды в полдень, когда согласно моим обязанностям я хотел приготовить еду, в комнату вошел переполненный радостью господин лейтенант Сири и принес нам весть, что этим вечером господин майор ф. Бибер вызван к господину губернатору, и ему будет передан приказ о нашем отъезде².

Мы все вскочили, как будто земля хотела уйти у нас из-под ног, я немедленно бросил еду на произвол судьбы, чтобы поделиться этой

¹ Королевство Бавария объявило о нейтралитете 21 сентября 1813, а 8 октября перешло на сторону войск антифранцузской коалиции.

² Распоряжение об освобождении военнопленных баварцев было подписано Вязмитиновым 17/29 октября 1813 [РГИА 3], спустя примерно две недели оно было получено в Перми.

радостной новостью с моим товарищем (бывшего слугой у одного русского дворянина).

Когда я прибыл к нему и принес ему радостную весть, он издал полный радости крик. Русские, которые также находились в комнате, не поняли, что здесь произошло, и сам хозяин дома, поднятый этим шумом, вошел в комнату и, разозленный, спросил у нас по-русски, что значит это поведение? Не обращая на это большого внимания, я ответил, что завтра мы можем вернуться в свое отечество.

Однако когда он, как и присутствующие, узнал, они все порадовались с нами. Хозяин немедленно принес бутылку с водкой, сам налил нам и мы тут же с радостным ликованием выпили за его здоровье; еще он дал нам в подарок рублевую банкноту, чтобы также порадовать наших пленных братьев, которые перенесли с нами столько страданий.

Каждый может легко вообразить себе радость мою и моих товарищей, и нам нет необходимости описывать ее, если представить, что вышеописанные перенесенные жестокие страдания вдруг исчезли, превратившись в самые прекрасные надежды.

Затем я рано лег спать, однако от радости и беспокойства долго не мог уснуть, а после пробуждения размышлял о своем положении, о долгом пути почти в 1500 часов, который предстоял нам; расстройство моего здоровья, испытанный в прошлом году на марше холод, и поездка, также начинающаяся в это холодное время года, снова делали мое положение затруднительным.

Едва наступил день, я поспешил к моему господину майору ф. Биберу, где сразу же, к самой моей большой радости, узнал, что мы поедем на русских почтовых [лошадях], и сможем очень быстро добраться до дома.

Однако, тем не менее, прошло 6 дней, пока мы смогли выстучить, что наконец произошло в прекрасное золотое утро.

Со слезами на глазах мы воздали хвалы Создателю за то, что Он позволил нам счастливо дожить до этого душевного часа.

Прибежали пленные французы и мы, с самыми горячими и искренними пожеланиями, им вскоре также оказаться в нашем положении, по-братски обнялись с ними и расцеловались.

Еще ранее этого офицеры попрощались с несколькими господами, а в ночь перед нашим отъездом устроили радостный прощальный пир в доме упомянутого доктора Сальватори.

О, святое мгновение! о, забываемый день радости и блаженства!

Это было 12-го декабря немецкого стиля 1813 года, когда мы, а именно господа лейтенанты Аккерманн, Шницлайн и Сири, я, Кауфманн, затем два человека, Блум и Хартель, прибывшие с господами офицерами, а также человек по имени Бекк из Штеттена, [чиновник] королевского земского суда Гунценхаузена, который был слугой у одного французского генерала и на нашем марше присоединился к нам

как пленник, собрались у господина майора ф. Бибера и оттуда все вместе отправились к нашему спасителю и благодетелю господину доктору Сальватори, и там еще раз с самыми горячими чувствами признательности выразили ему вечную благодарность.

После того как мы задержались там на некоторое время, он отправился с нами к русскому офицеру, который должен был сопровождать нас до Бреста. Там мы еще какое-то время оставались с господами и другими жителями города Перми, а затем получили трое саней и незадолго до наступления ночи под часто раздающиеся радостные пожелания счастья и слова прощания покинули город Пермь и наших пленных сотоварищей. Теперь наша санная поездка была настолько быстрой, насколько могли бежать лошади, и вскоре мы уже достигли станции. Однако едва мы прибыли, полагая, что тут же снова сможем продолжить наш путь, русский офицер сказал, что он кое-что забыл и поэтому послал одни сани назад, которые должны были нагнать нас.

Пока эти сани доехали до Перми и вернулись, наступила поздняя ночь.

Когда мы теперь уже в полночь добрались до нашей второй станции, нам при этом пришлось переправиться через реку Каму, которая ранее уже замерзла, а потом опять вскрылась, причем из-за повторного замерзания сгрудились целые кучи льда.

Едва только мы добрались до льда и русские смогли быстро пустить лошадей, как вскоре нас, то слева, то справа, стало бросать на такие ледники, что мы часто вылетали из саней на несколько шагов. Более того, все еще не полностью замерзло, так что каждую секунду можно было ожидать опасности проломить лед или быть сброшенным из саней через дыру во льду в воду. Русские не обращали на это никакого внимания, а если кого-то выкидывало из саней, что почти с каждым происходило несколько раз, они снова загружались и, как и прежде, как можно быстрее двигались дальше. Этот переход был очень опасен, тем более, что нам пришлось предпринять его темной ночью.

Список источников и литературы:

Büttner 1828 – Beschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Büttner, jetzt Aufschlags-Untereinnehmers in Nennsling, während seiner 19-Monatlichen Gefangenschaft in Rußland, in den Jahren 1812 und 1813. [Nürnberg] 1828. S. 24-54.

РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 319. Л. 3-4 об.

РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 239-240.

РГИА 3 – Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 228-229.

References

- Büttner, 1828** – Beschreibung der Schicksale und Leiden des ehemaligen Korporals Büttner, jetzt Aufschlags-Untereinnehmers in Nennsling, während seiner 19-Monatlichen Gefangenschaft in Rußland, in den Jahren 1812 und 1813. [Nürnberg] 1828. S. 24-54.
- RGIA 1** – Russian State Historical Archive. F. 1286. Op. 2. D. 319. L. 3-4 об.
- RGIA 2** – Russian State Historical Archive. F. 1409. Op. 1. D. 656. Ch. 1. L. 239-240.
- RGIA 3** – Russian State Historical Archive. F. 1409. Op. 1. D. 656. Ch. 2. L. 228-229.